
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Рукопожатие кирпича и другие свидетельства о девяностых. Сборник.
М.: Симпозиум, 2020. — 752 с.: ил.

В сборник включены художественные тексты, эссе, статьи отечественных литераторов, посвященные жизни в России в 1990-е годы. В книге два раздела. В первый вошли сочинения в жанрах, традиционно относящихся к литературе художественной, это фикшн, выдуманные истории. Вторая часть — нон-фикшн, истории невыдуманные,

НЕВА 10'2020

а также произведения публицистические. Многие тексты появились двадцать и даже тридцать лет назад, другие написаны специально для этой книги, но все они принадлежат перу тех, кто жил и работал в эпоху «великих перемен». Среди трех десятков авторов М. Берг, А. Бураков, Н. Иванова, А. Константинов, М. Кантор, А. Мелихов, Т. Москвина, К. Набутов, С. Носов, В. Познер, А. Рубанов, Д. Травин, В. Шендерович... Название сборник получил по рассказу К. Набутова «Рукопожатие Кирпича», где герой из уголовника превратился в важную персону, сопровождаемую охраной (характерное явление 90-х). Однако, несмотря на охрану, В. Кирпичев, известная в «новом» Петербурге личность, погиб осенью 1994 года в клубе «Джой» от руки киллера. Драматичное, трагическое время, обрушившееся на не подготовленного к резкой смене парадигм советского человека, предстает во всем своем многообразии. Криминал, бизнес, повседневная жизнь, новые возможности и крушение привычных устоев и представлений. Влов 90-х глазами фотографа увидел М. Борисов. Для него 90-е — уже очень далеко, прошлый век: зернистые фотосъемки, время, когда снимали экшн — демонстрации, выборы. Фотографы и фотографии о разрыве между прошлым и будущим. О жизни литератора в 90-е годы рассказывает А. Константинов, в 90-е годы криминальный репортер, дебютировавший в литературе книгой «Бандитский Петербург». Крайне тяжелое для всей страны время оказалось крайне привлекательным для многих литераторов как время отсутствия цензуры и больших возможностей. «У меня напечатали первую книгу, через 3 недели — допечатка 150 тысяч, еще через 3 недели — еще 150, тысяч, а еще через месяц — допечатка 300 тысяч!» Сметали все мгновенно, востребованными стали детективы, боевики, фантастика. Вспоминая прошлое и размышляя о нынешнем кризисе книжной отрасли, А. Константинов полагает, что одна из причин кризиса в том, что многие издательства, сколотив в 90-е годы невероятные состояния на книжном буме, не сделали никаких выводов и не попытались вырасти на этом капитале, и прежде всего интеллектуально. Цикл С. Полотовского под названием «Продукты» — остроумные истории о жизни молодого человека в 90-е годы, связанные с каким-либо продуктом: водкой, кофе, хлебом, пирожками. В защиту русского языка выступал в 90-е годы в журнале «Дружба народов» В. Познер, сетуя на просочившуюся в русский язык в тот период частичку-паразит «как бы». Там же, на страницах «Дружбы народов», в своей колонке он размышлял вслед за Солженицыным, как обустроить Россию. В. Шендерович в стихотворении «Пир во время чумы» описывает, как Ельцин, Черномырдин, Грачев и другие политики пьют за здоровье России, предпочитая не замечать, как разрушается страна. Есть и концептуальные статьи. Одна из них принадлежит писателю и культурологу М. Бергу и называется «Истоки русского пессимизма». «Существует несколько хрестоматийных соображений, — пишет автор. — Согласно одному из них, причины современного русского пессимизма в протivoестественном образе жизни России в XX веке, навязанном ей в противоречии с народными устоями. В соответствии с другим, современные бессилие и апатия есть следствие симптоматичного для русского характера мироощущения, чуть ли не отвращения к жизни, изредка сменяемого кратковременной эйфорией — откликом на ситуацию внешнего, общественного, государственного значения». Пишу для размышлений, согласия и несогласия, эта статья дает и сегодня. Сущностные изменения в литературе, в культуре в новой, постоянно меняющейся действительности осмысляла критик и литературовед Н. Иванова. В сборник помещены ее статьи «Русский проект вместо русской идеи», «Смена языка», «Свободное слово после эзоповой речи». Завершает сборник очерк Д. Травина «1990-е в отечественном кино», где анализируются знаковые фильмы 1990-х годов: «Брат-1» и «Брат-2», «Особенности национальной охоты», «Ворошиловский стрелок», «Кавказский пленник» и другие. Составитель книги С. Князев в одном

из интервью заявил, что у него не было задачи воспеть 90-е или, наоборот, обругать последними словами. «Но это время является предметом активного художественного и философского осмысления, и общественного консенсуса относительно этого периода пока нет и в ближайшем времени, судя по всему, не предвидится». Произведения трех десятков литераторов — совершенно разных по мировоззрению, стилистике, эстетическим и житейским предпочтениям, — по его словам, объединяет искренность высказывания и плодотворность интеллектуального и художественного поиска: «„Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу.“ Мы постарались сделать так, чтобы рассказы, пьесы, эссе, статьи, очерки и стихи, помещенные здесь, вступали в диалог между собой и дополняли друг друга».

Евгений Лукин. Запад против Востока. 2500 лет первой битве. СПб.: Алетейя, 2020. — 306 с.

Два с половиной тысячелетия назад, 28 сентября 480 года до Р. Х., произошло эпохальное событие: небольшая флотилия греческих кораблей в морском сражении при острове Саламин разгромила огромный персидский флот. Так завершился первый масштабный конфликт между Западом и Востоком. Петербургский писатель и историк Евгений Лукин подробно излагает хронологию событий начиная с весны 480 года до Р. Х., когда огромное персидское войско под руководством самого персидского царя Ксеркса, переправившись по понтонному мосту через Геллеспонт, вторглось на Греческую землю. Войско Ксеркса сопровождала мощная морская армада.

Целью похода было покорение Эллады. Память о подвигах греческих героев этой войны сохранилась в веках, их имена не скрылись в небытие. Это афинский полководец Фемистокл, обладавший не только блестящими способностями стратега и тактика, но и непоколебимой волей к победе. Это и спартанский царь Леонид, вместе с тремястами спартанцами защищавший занятый рубеж в Фермопильском ущелье. Храбрыцы пали в неравном бою, стяжав бессмертную славу. Победа союза тридцати греческих полисов, сообщества очень скромного, над самой могущественной державой мира произвела неизгладимое впечатление на современников и обусловила свободное существование Греции в течение двух тысяч лет, вплоть до середины XV века, когда османский султан Магомет Завоеватель покорил многочисленные греческие княжества. Когда на рубеже XVIII—XIX столетий в Греции вспыхнуло освободительное движение за независимость, на знамени его было начертано имя Фемистокла. Философскую оценку битве при Саламине дал немецкий философ Гегель. Он объяснил причину необыкновенного военного успеха Эллады в неоспоримом превосходстве свободной индивидуальности, реализуемой в условиях независимости, над темной могучей массой, подавляемой деспотичным властителем. Такая политическая трактовка Саламинской победы в дальнейшем стала преобладающей. Ее использовали всякий раз, когда было необходимо доказать абсолютную эффективность демократического правления перед самодержавным владычеством. Е. Лукин подвергает разбору концепции исторического события, выдвинутые современниками битвы, последователями Гегеля, историками новейших времен. И приходит к выводу, что грубая идеологическая схема (Саламинская победа как очевидное торжество демократии над тиранией, победа сил добра над силами зла, которая привела к формированию основ свободного западного мира и расцвету культуры) едва ли соответствует исторической действительности. В конечном итоге истинный императив, которым руководствовались греки в борьбе с вражеским нашествием, не демократия, а защита своей земли, своего очага, своей семьи, своего народа. Автор приводит веское доказательство: в трагедии Эсхила «Персы», не-

посредственного участника Саламинского сражения, не было ни слова о демократии и тирании, зато был протест против рабства. Эсхил первым представил греко-персидские войны как результат столкновения Востока и Запада («земля Азии выступила против страны Эллады») и указал на истинные намерения персов при вторжении на Греческую землю: наложить рабское ярмо на Элладу. Поклонником демократии не был и другой современник Саламинского сражения — великий историк Геродот. В книгу Е. Лукин включил фрагменты трудов античных авторов, посвященные судьбоносной битве. «Урания» — восьмая книга «Истории» Геродота, трагедия Эсхила «Персы», поэма «Персы» греческого поэта-новатора Тимофея Милетского, биографический очерк «Фемистокл» из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Характерно для Е. Лукина — в примечаниях он дает подробные справки не только об авторах помещенных фрагментов, но и о выдающихся русских переводчиках XVIII—XIX веков. Поэму Тимофея Милетского Е. Лукин перевел сам. Книгу дополнили драматические произведения XVIII—XIX веков, которые ранее никогда не публиковались: переведенная на русский язык трагедия «Фемистокл» итальянского драматурга Пьетро Метастазियो и либретто оперы «Фемистокл» поэта Гавриила Державина. Было бы странно, если бы изобилующая поразительными метаморфозами судьба спасителя Эллады не привлекала бы литераторов. Несмотря на особые заслуги Фемистокла перед Афинами и Элладой, афиняне после одержанной победы подвергли полководца остракизму и изгнанию. Подобная «благодарность», указывает Е. Лукин, была характерна для многих демократических сообществ. Так, новгородское вече изгнало князя Александра Ярославича Невского после его победы над шведским войском на берегах Невы. Причина та же — опасность усиления, говоря современным языком, бонапартистских тенденций. Фемистокл бежал в Азию к своему давнему врагу — персидскому царю Ксерксу, был осыпан царскими милостями, а отказавшись возглавить новое вторжение в Грецию, пытался принять яд, что еще более возвысило афинского героя в глазах Ксеркса, и тот отменил поход на Элладу. Завершают сборник творения новогреческих авторов: «Героические песни» национального героя Греции Ригаса Фереоса (1757—1798) и стихи из поэмы «Гимн свободе» Дионисиоса Соломоса (1798—1857), после создания суверенного греческого государства в 1865 году ставшие национальным гимном современной Греции. «Я узнаю твой меч чудесный / В сиянье греческих побед. / Я узнаю твой взор небесный, / Объемлющий весь белый свет. / О, вышедшая из-под свода / Святых отеческих гробов, / Ликуй, отважная свобода — / Эллады верная любовь».

Даниил Альшиц (Даниил Аль). Из книг: Воспоминания. Исследования.

Публицистика. Сост. Т. Мельникова. СПб.: Нестор-История, 2019. — 308 с.

Даниил Альшиц (литературный псевдоним Д. Аль, 1919—2012) — историк, прозаик и драматург. С началом Великой Отечественной войны ушел с исторического факультета ЛГУ добровольцем в народное ополчение, воевал на Ленинградском фронте. После войны восстановился на пятом курсе университета и защитил диплом с отличием, работал в отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, преподавал в вузах. Была и лакуна в официальном послужном списке — пребывание в Каргопольлаге. Д. Альшица арестовали в 1949 году и осудили по статье 58-10 УК РСФСР за антисоветскую агитацию, приговорив к десяти годам ИТЛ, в 1955 году он был выпущен на свободу и реабилитирован. В книгу вошли некоторые его воспоминания о родителях, о детстве, школе, о Ленинградском университете и его ученых. Д. Аль хорошо помнит наводнение 1924 года, педагогические эксперименты 20-х годов, доходящую до абсурда политическую бдительность. В 1930 году был аре-

станов его отец, до революции — юрисконсульт на крупнейших в России мыловаренных заводах братьев Жуковых, ставших советским предприятием «Жиртрест», где отец Д. Альшица продолжил работать. В тринадцать лет, собираясь вступить в ВЛКСМ, Д. Альшиц уехал к отцу в ссылку в Туруханский край, чтобы из первых уст узнать, в чем отца обвинили. Оказывается, за то, что пострадавшие в годы Гражданской войны и разрухи заводы руководители «Жиртреста» восстановили «в надежде на передачу их бывшим владельцам». С уважением Д. Альшиц пишет об университетских учителях, с юмором — о своем споре, споре самонадеянного ученика с академиком Е. Тарле об образности в книге Тарле «Наполеон». Помещены в книгу и воспоминания о Каргопольлаге, где четыре месяца Д. Альшицу пришлось работать на сортплощадке, что едва ли было легче, чем на лесоповале. Ситуация изменилась, когда к начальнику Каргопольлага полковнику Коробицыну попала работа Альшица, опубликованная в «Историческом архиве», журнале АН СССР, — ранее неизвестный список опричников Ивана Грозного, обнаруженный Альшицем в отделе рукописей РНБ. Коробицын, прочитав предисловие, приказал найти его автору такую работу, чтобы тот мог заниматься научной работой. Д. Альшиц пишет и о тех, кто с огромным риском для себя опубликовал работу репрессированного по 58-й статье «врага народа». Как историк Д. Альшиц постоянно и глубоко занимался исследованием эпохи Ивана Грозного и рукописного наследия этого периода. В книгу вошли работы, посвященные этому периоду. Первая работа, «Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени» (1947), посвящена той части Лицевого свода, которая описывает события царствования Ивана Грозного. Сам Лицевой, Летописный свод задумывался во времена Ивана Грозного как последовательное изложение всей истории человечества в виде смены великих царств, начиная с древнееврейского и кончая «современностью». На многих листах, уже начисто переписанных и старательно раскрашенных, остались приписки и поправки в ряде случаев весьма важного политического характера, выполненные, как и сам текст, скорописью того времени. Д. Альшиц доказывает, что приписки делал сам Иван Грозный, что редактировал текст он дважды, и поясняет, какие конкретные события стоят за царской редактурой: боярские мятежи, измены, бегство Курбского. Иван Грозный предлагал свое толкование событий, переоценивал прошлое. Личности, приближенные к царю, из героев становились предателями и изменниками. Во второй работе, «Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования» (1957), автор показывает, какими документами пользовался Иван Грозный, что и почему вычеркивал, а что добавлял, проводит параллели между приписками и письмами Ивана Грозного к Курбскому: горячность и страстность в письмах Курбскому и хладнокровное обдумывание и взвешенность фактов в редакторских приписках к своду. Глубокое погружение в эпоху Ивана Грозного привело Д. Альшица к выводу, что именно оттуда идет такая особенность русской истории как противостояние реформ и контрреформ. Эту проблему он исследует на обширном материале — из глубины веков к XXI веку («Противостояние реформ и контрреформ — изначальная особенность истории российской государственности», 2007). В книгу вошли и другие труды из научно-исторического наследия автора. В работах «Когда было написано „Слово о полку Игореве“» (1958) и «О „Слове о полку Игореве“ и не только о нем» (2009) автор, споря с Д. Лихачевым, предлагает свою дату создания «Слова»: после 1223 года и не позднее 1237-го. Поражение русских князей от монголов на реке Калке и время, когда предупреждать о необходимости единения было уже поздно. В статье «Битва, выигранная до того, как она началась. Стратегический замысел Александра Невского и Ледовое побоище» Д. Альшиц устанавливает место битвы и воссоздает ее ход. Завершают книгу публицистические работы Д. Альшица, где перестроечные процессы рассматриваются в истори-

ческой ретроспективе, «От феодал-социализма к феодал-демократии» (2001), «Исторические корни коррупции» (2000). Автор достаточно едко отзывается о перестроечных процессах и элите XXI века — о превращении стремительном из «товарищей» в «господ».

Сергей Горюнков. Закулисье пушкинских сказок. СПб.: Алетейя, 2020. — 594 с.

Все не случайно в сказках Пушкина: белка под елкой, Черномор и его команда, царевна Лебедь, говорящее зеркальце, отравленное яблоко, хрустальный гроб, пустая гора, Шамаханская царица. Сергей Горюнков исследует иносказательные смыслы в сказках Пушкина о царе Салтане, о мертвой царевне и о семи богатырях, о золотом петушке. Он прослеживает рассыпанные поэтом по всему тексту наводящие ориентиры, раскрывает истоки образов, загадки сюжета, их символическую функцию в скрытом замысле сказок. Автор исходит из того, что ныне утерянная способность к олицетворению понятий и явлений являлась органичной составляющей русской культуры предпушкинского и пушкинского времени. Сама атмосфера литературной жизни в России первой трети XIX века — увлечение аллегориями, литературная мода на иносказательность — вполне располагала к «игре со скрытыми смыслами». «И было бы очень странно, если бы Пушкин, с самого начала своего творческого пути не ставил перед собой литературные задачи такого рода. Поэт не только отлично понимал благотворное значение „языка олицетворений“, но и умел осознанно этим языком, основательно забытым в наше время, пользоваться». Для современников Пушкина вполне был внятен смысл имен главных «заговорщиков» в «Сказке о царе Салтане», узнаваемы «визитки» главных европейских держав предпушкинской и пушкинской поры, обоснованы и их действия. Ткачиха-Англия, являвшаяся в XIX веке «ткацкой мастерской всего мира», Повариха-Франция, законодательница кулинарной моды, заполнившая «французскими поварами» весь цивилизованный мир. А сватья баба Бабариха — третья главная держава Европы XVII—XIX веков, Священная Римская империя германской нации, ядро которой, австрийское владение Габсбургов, образовалось посредством наследств, приданных и брачных договоров. С. Горюнков рассматривает исторические и географические привязки сюжетов, смысловые функции персонажей сказок, проводит параллели между сказочным действием и фактами русской истории. Анализируя многозначные и многовариантные образы сказок, показывая, что может стоять за их главными героями и описываемыми событиями, автор подводит читателя к главному. А главное в сказках, по его мнению — это русская история и проблемы становления российской государственности глазами Пушкина: от эпохи варягов до основания Петербурга. По мнению автора, в сказочный сюжет Пушкин вкладывал собственное понимание русской истории, свои политические взгляды и нравственные оценки. В сюжетной интриге «Сказки о царе Салтане», полагает исследователь, отражено рождение и становление российского государства, вплоть до совпадения деталей повествования с особенностями истории основания Петербурга. Так, остров Буян, по сути, это новоявленный Петербург, где «изб нет, везде палаты» (как тут не вспомнить об указах Петра I по снабжению новой российской столицы строительным камнем). Образ белки автор увязывает с финансовыми реформами Петра, Черномор и его команда олицетворяют создание российского флота, благодаря чему Россия при Петре была одной из самых могущественных стран на море и самой могущественной — на суше. В этой сказке получило свое законченное выражение осознание Пушкиным неразрывного единства событий, начатых Смутой и завершенных петровской реформой. Вполне современно вы-

глядит обозначенная в сказке проблема: Россия как жертва чужих интриг — извечная особенность России или же ее неблагоприобретенное качество? Как и почему оклеветанная избранница царя Салтана, законная родственница западноевропейских держав (читай Россия), стала столь же традиционной жертвой их политики? И почему рожденный ею богатырь был назван неведомой зверюшкой? Из-за отклонения от западноевропейских культурно-политических форм? Почему Россия постоянно оказывается жертвой чужих интриг? В контексте напряженной идеологической борьбы между Владимиро-Суздальской Русью и Византией в сфере церковного становления прочитывается автором «Сказка о мертвой царевне», где спящая царевна есть аллегория «спящего русского народа», царь-отец выступает символом власти, говорящее зеркальце — символ влияния церкви, способной к нравственным оценкам. В борьбу за духовную самостоятельность русского народа были вовлечены и белое, и черное духовенство, и монашествующие, и «нестяжатели», и «стяжатели-иосифляне». Распространенный взгляд на русское православие как на «тысячелетний монолит», явление, сущностно не менявшееся от Крещения Руси до сегодняшнего дня, не имеет ничего общего с исторической правдой; на самом деле тысячелетие русского православия — это тысячелетие борьбы, поиска, смятения и страстей. Автор воссоздает яркие портреты масштабных личностей далеких времен: Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Максим Грек; раскрывает смысл их воззрений, столкновений, разногласий, борьбы; подробно анализирует главный труд Иосифа Волоцкого, известный ныне под названием «Просветитель»; дает яркую картину насыщенной самобытной духовной жизни древней и средневековой Руси. История России настолько искажена идеологами «полузания», считает С. Горюнков, что начинает вызывать отвращение и ненависть к себе даже и в самих русских людях. Он задается вопросом: когда в русском массовом сознании поселился комплекс неполноценности, преломляющийся в одних русских головах в комплекс «жертвы», а в других — в комплекс нигилистического, смердяковского самоотрицания? Когда Россия стала осознавать превосходство Запада над собою, а значит, проявлять с готовности жить по чужим, не ею самой определенным правилам? Ответы на эти вопросы он находит и в сказках Пушкина, первого, кто сформулировал такую проблему в истории нашей культуры, как проблему специфики русской коллективной ментальности. Оригинальна трактовка «Сказки о золотом петушке», скрытое содержание которой отсылает к теме Великой французской революции и последовавшего за ней наполеоновского правления, к масонству, к технологии смены власти, манипуляций общественным сознанием.

Алексей Паевский, Анна Хоружая. Смерть замечательных людей.

Глазами врачей XXI века. М.: Пятый Рим, 2019. — 368 с.: ил.

О смерти знаменитых людей ходит много легенд — красивых, интригующих, не всегда правдоподобных. Причины их смертей долгое время оставались предметами споров и спекуляций, однако относительно недавно медицине стало под силу приподнимать полог тайны над особо интригующими случаями. Научные журналисты Алексей Паевский и Анна Хоружая предлагают познакомиться с истинными и уже доказанными анамнезами и причинами смерти исторических персонажей, они не только дают новый (или уточняют старый) диагноз, но и рассказывают, как бы сейчас действовали доктора и какие шансы были бы, например, у Александра I в таганрогской больнице. В предисловии они пишут: «Хотелось бы попросить вас не считать нижеследующие тексты пляской на костях ваших любимых исторических и культурных персонажей. Это большей частью своей — уроки. Иногда мы сообщаем какие-то новые факты, которые тоже важ-

но знать, чтобы не быть в плену у мифов. Наша миссия, скорее, не популяризаторство, а то, что называется санпросветом. Сначала мы решили просто собрать побольше известных людей всех эпох и рассказать, кто, как и от чего умер. Но это было бы действительно слишком просто, к тому же выглядело бы спекуляцией на смерти, что, конечно, недопустимо. В итоге мы решили остановиться на тех историях, которые могут принести нашим читателям какую-то пользу. Из сотни клинических случаев после жестокого отбора было оставлено тридцать. Прочитав о трагической смерти Владимира Маяковского, вы, может быть, избавитесь от веры в миф о кровавом НКВД, который отстреливал ставших ненужными поэтов, а узнав подробности гибели Пушкина, не станете трогать раненую жертву ДТП, а просто вызовете скорую, поможете несчастному ее дожидаться — и таким образом, спасете однажды жизнь себе или близкому человеку». Каждый клинический случай — отдельная история: краткая биографическая справка о герое новеллы, обстоятельства его смерти, диагноз лечащих врачей, другие версии, авторские предположения о причинах смерти и о том, была ли возможность спасти человека тогда и каким мог быть исход болезни при нынешнем состоянии медицины. Открывает галерею уникальных «медицинских зарисовок» история Люси, года рождения 3 220 000 до н. э., австралопитека, погибшего в возрасте 25—30 лет, чей скелет был обнаружен более сорока лет тому назад в Эфиопии. Страстные споры и ссоры исследователей разгорались вокруг причины смерти Тутанхамона, ушедшего из жизни в возрасте 19—20 лет. Неожиданный ответ был получен через 33 века после смерти молодого фараона, чью гробницу нашли неразграбленной. После полного обследования с помощью компьютерной томографии он был объявлен первой известной науке жертвой малярии — болезни, от которой и поныне в мире умирает до трех миллионов человек в год. В очерке, посвященном Александру Македонскому, детально разобраны три варианта поставленных ему диагнозов. Открыт секрет «неблаговидного поведения» английского короля Генриха VIII: неоднократные травмы головы, полученные во время рыцарских турниров, привели к изменениям в психике и пищевом поведении, а далее ожирение и метаболический синдром. Подробно представлены обширные и длительные истории болезней Петра I, Екатерины II, Александра I: легенды, загадки, отвергнутые и вновь всплываемые диагнозы, реалии. Авторы подводят черту под волнующей конспирологической историей: превращение Александра I в старца Федора Кузьмича. Авторы отвергают пятьдесят одну версию исчезновения императора и констатируют его смерть от менингита. Несомненна причина смерти последней императрицы Александры Федоровны — пулевые ранения. Но при жизни у нее имелся пышный букет разных недугов, физических и душевных. Ее здоровье, а точнее, нездоровье, считают авторы, один из факторов, который сформировал Николая II как «ужасного» императора. Тема «болезнь и власть» нашла отражение в очерках о Л. Брежневе и Ю. Андропове. Значительное количество диагнозов ставится поэтам и писателям: А. Пушкин, Н. Гоголь, К. Батюшков, А. Чехов, Л. Толстой, А. Блок, В. Маяковский, М. Булгаков. С причинами смерти одних, с диагнозами все ясно. Уход из жизни других окутывают мифы. Что неудивительно. Например, нет истории болезни А. Блока, ушедшего из жизни в непростое время — в 1921 году, не проводилось вскрытие. В результате в наше время существуют версии, что Блок умер от разочарования, от тоски. Встречается и экзотическая версия об отравлении Блока сотрудниками ЧК. Авторы дают реальную картину здоровья и смерти А. Блока. Развеиваются многочисленные мифы, утвердившиеся не только в отечественном культурно-историческом пространстве, но и в мировом. Так, классика американской литературы Э. По сгубил не алкоголизм (истории о его хроническом пьянстве — посмертные выдумки врагов), но бешенство из-за укуса собаки или летучей мыши. Трагические случайности стали причиной смерти известного иллюзиониста Гар-

ри Гудини и мастера боевых искусств Брюса Ли. Среди персонажей много и тех, чьи имена известны только знатокам искусства, спорта, ученым-медикам. Их истории важны, потому что именно благодаря кому-то из них значительно расширилось понимание возможностей мозга. А чьи-то болезни впервые вошли в клиническую практику, получив названия от имен пациентов или лечащих врачей, как, например, одно из самых изучаемых заболеваний в мире — болезнь Альцгеймера, которую впервые диагностировали в начале XX века у Августы Детер. Эта книга как захватывающее медико-историческое исследование с элементами детектива. Попутно авторы разоблачили несколько теорий заговоров и выдвинули любопытные гипотезы.

Владимир Малышев. Петербургские тайны. Город, которого нет. Занимательный исторический путеводитель. СПб.: Литпроект; Пракс, 2020. — 264 с.: ил.

Столетие назад город на Неве вместе со всей страной пережил страшное время разрушений: безжалостно уничтожались православные святыни, сбрасывались с пьедесталов творения лучших скульпторов, осквернялись христианские реликвии, радикально менялся образ жизни. Но оказалось, полностью уничтожить прошлое невозможно. Словно из небытия, всплывают подлинные документы, чудом сохранившиеся артефакты, свое слово говорят потомки участников и очевидцев событий. По воспоминаниям французского писателя Т. Готье и итальянского графа Ф. Фаньяни, посетивших Петербург в 1858 году, Владимир Малышев воссоздает картины прошлого, приведшие иностранцев в восторг. Изумляло все: горы фруктов в лавках, умные лица мужиков, восхитительные женщины, городской транспорт, дома и дворцы, поистине русская роскошь — обилие цветов в домах в зимнее время. В. Малышев обращается к воспоминаниям С. Палеолога, сотрудника Департамента общих дел МВД Российской империи, работавшего в правительстве Николая II вместе со Столыпиным, в которых полностью опровергаются уже в то время утвердившиеся в российской печати и в заграничном общественном мнении представления об угнетении в России «иностранцев». В. Малышева интересует все: роскошный бал 1903 года в Зимнем дворце в костюмах XVII века, ставший прощанием со старой Россией; уличные забавы петербуржцев; забытые праздники, отмечавшиеся в Петербурге; история мостовых, начавшаяся при Петре I; судьба Меншиковского сада на Васильевском острове. Автор пишет о великом эксперименте Екатерины II — Смольном институте благородных девиц, где полагалось готовить матерей будущих новых людей, людей благородных, добродетельных и способных к созиданию, ибо, по мнению императрицы, чтобы воспитать нового человека, нужно сначала воспитать саму мать. Большой очерк посвящен дворникам, особой касте хранителей чистоты Петербурга. В разделе «Погром Петербурга» дана впечатляющая картина послереволюционного разрушения и разграбления города на Неве, когда чудесные монументы, творения лучших скульпторов сбрасывали с пьедесталов, разбирали, разбивали или пускали на переплавку, массово распродавались сокровища национальной культуры, мировые шедевры, накопленные в России за века. Операция «Эрмитаж», украденный Фаберже — переход легендарной торговой марки к мультинациональной компании «Ниливер», таинственное исчезновение саквояжа с драгоценностями Фаберже. За время правления большевиков в городе было разрушено — взорвано, разбито, разобрано по кирпичикам — около ста двадцати замечательных храмов. Среди них воздвигнутый на собранные пожертвования Спас на водах на Ново-Адмиралтейской набережной, символ братской могилы для погибших без погребения русских моряков. Внутри собора находились бронзовые доски с именами двенадцати тысяч

матросов, офицеров, адмиралов. Над досками висели копии судовых икон и были выбиты названия кораблей. Взорвали в 1932 году. В 1962 году была уничтожена греческая церковь Дмитрия Солунского на Греческом проспекте (там, где ныне концертный зал «Октябрьский»), построенный на средства одного из самых успешных сельскохозяйственных производителей России, основателя Сормовского завода и Макарьевской ярмарки Бернардаки. Исчезла часовня у решетки Летнего сада на месте покушения Каракозова на Александра II. На переплавку в 1917 году отправили турецкие пушки с уникального монумента у Троицкого собора, увековечивающие славу русской армии, победившей в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Воссоздали памятник в 2005 году. Большой ущерб городу нанесла Великая Отечественная война. Многие разрушенные в войну дома и дворцы так и не были восстановлены в первоначальном виде, а на их месте появились уродливые коробки из бетона или из серого силикатного кирпича. Автор рассказывает, как и почему разгромили Музей обороны Ленинграда в Соляном переулке и как сложилась судьба создателя музея Л. Ракова. В. Малышева волнуется и то, что происходит в городе сегодня: судьба артефактов с гробницы Кутузова в Казанском соборе; судьба дома 61 на Садовой улице, где Лермонтов написал стихотворение «Смерть поэта». Автор приводит малоизвестные факты. Например, раскрывает секреты дома 31 на Галерной улице, где в старинном особняке располагалась сначала Коллегия, а затем Министерство иностранных дел. Сотрудниками этого ведомства в разные времена являлись Пушкин, Грибоедов, Тютчев, Пржевальский, Скобелев, Деникин. В прежние времена практически каждый дипломат был еще и кадровым разведчиком, агентами были и путешественники. Сегодня там, как и раньше, находится разведывательное управление, но уже не всей России, а Северо-Западного региона. Сакральным кошуном автор называет первый крематорий, открытый в 1920 году на 14-й линии Васильевского острова в помещении бывших бань. Любопытны «огненными церемониями» приезжали известные художники, артисты, поэты. Большинство жителей города встретили эту новацию без энтузиазма. За все недолгое время существования крематория кремировали около четырехсот человек, и менее пяти процентов из них — по желанию родных или завещанию усопших. За минувшее столетие город понес не только материальные потери, но и людские. В. Малышев рассказывает о великих изгнанниках, высланных из России, в результате чего за граница, и прежде всего США, получили в «подарок» от России целую когорту блестящих инженеров, изобретателей, ученых, мыслителей, позволивших им далеко продвинуть вперед свою науку и технику, развивать культуру. Игорь Сикорский гений авиастроения, построил в США первые в мире вертолет и тяжелый бомбардировщик; инженер В. Звoryкин изобрел телевидение, а химик В. Ипатьев — высокооктановый бензин, А. Понятов создал первый в мире видеоманитофон, а П. Сорокин стал за океаном создателем американской социологии. В книге более двух десятков биографических очерков. Многие имена возвращаются в последние десятилетия.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)